

Хлыщева Е. В., д. ф. н., доцент
Khlysheva E. V., d.ph.s., associate professor
Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия
Astrakhan State University, Astrakhan, Russia
culture_mar@mail.ru

**МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ В РОССИИ И ЕВРОПЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹**
**MULTICULTURAL PRACTICES IN RUSSIA AND EUROPE: COMPARATIVE
ANALYSIS²**

Аннотация: в современном мире одним из ведущих направлений исследования становится тема диалога культур, их взаимодействия и взаимопроникновения. Изучение механизмов процесса межкультурного общения - одна из актуальнейших задач сегодняшнего дня в свете происходящих глобальных перемен и мощного потока миграции.

Abstract: the article is devoted to a new global context of cultural dialogue concept and its interpretation from different points of view. The author is interested in the analysis of cultural relations and immigrations process in the world in order to see its specific variation.

Ключевые слова: культурный диалог, поликультурный регион, синтез культур, культурные группы, полиэтничность.

Keywords: cultural dialogue, multicultural region, synthesis of cultures, cultural groups, multi-ethnicity.

Поворот к постмодернизму выявил смену парадигм, приведшим к новому способу видения пространства и времени, опираясь на такие признаки, как неопределенность, фрагментарность, деканонизация. Постмодернистская ризома ярко обозначила установку на презумпцию разрушения традиционных представлений о структуре как стабильно определенной, предлагая радикальную альтернативу замкнутым и статичным линейным структурам с жесткой осевой ориентацией. Мир – это хаос и все его точки связаны между собой, но связи эти бесструктурны, множественны, запутанны и постоянно обрываются, образуя симбиозы «свой – чужой» как новый этап становления. Это транскультурный и мультиконфессиональный феномен, предполагающий диалог на основе взаимной информации, открытость, ориентацию на многообразие жизни. Чужое начинает себя открыто позиционировать, переходя от попыток вхождения в принимающее общество к методам противостояния западным практикам ассимиляции. Прослеживается трансформация от «постчужого» к «неочужоному».

«Постчужой» как носитель особой культуры, но «внутри» страны (индус в Великобритании, индеец в США, алжирец во Франции) был в определенной мере «своим-чужим», ему не надо стремиться стать частью социума, он уже ею являлся на правах «разделяемой истории».

«Чужой» эпохи глобализации (Неочужой) явился «из вне», ему чужды нормы и идеалы принимающей страны. Он не стремится вписаться в социум, как его «предшественник» (Постчужой), противопоставляя свою культуру культуре «новой родины».

Постчужой, хотя и является иноверцем, представителем иной культуры, все-таки социализировался в общество, составляя с ним одно целое. Неочужой живет по своим правилам и законам, поэтому воспринимается уже не как индивид, а скорее как «социальный тип».

¹ Статья выполнена при поддержке Минобр., проект № 6.2147.2011 “Проблемы сохранения культурной безопасности Прикаспия”

² The article is executed under support Ministry of Education, project No. 6.2147.2011 "Problem of preservation of cultural safety of Prikaspy"

Ни ассимиляция, когда государства пытались сплотить разные нации (вариант «плавильного котла»), ни культурный плюрализм не могут решить межэтнические конфликты и снять напряженность. Наш век создал новую парадигму, которая выражена категорией «мультикультурализма» и означает теорию, практику и политику неконфликтного сосуществования в одном социальном пространстве многочисленных разнородных культурных сообществ. Мультикультурализм – это стратегия перехода от политики «включения» индивидуальных и групповых различий в более широкие структуры к политике «признания» их права на существование в качестве «иных».

Термин «мультикультурализм» многозначен: он может использоваться для описания одной из сторон современного социума – культурной множественности; может представлять философскую концепцию мира; им обозначается и совокупность политических практик, «направленных на управление культурным многообразием» [Wieviorka 1988: 21]. Мультикультурализм как модель современного развития культуры отстаивает необходимость сохранения культурной гетерогенности, в силу уникальности и самоценности каждой культуры. Здесь непохожесть и отличительность перестают рассматриваться как «чужое», становясь просто «другим» [Низамова 2005: 36]. Цель мультикультурализма заключается в «поисках равноправия и узнавания этнических, расовых или сексуально отличных групп» [Joppke 1995: 14].

Мультикультурализм предлагает возможность полного инкорпорирования в общество индивидов и групп без ограничений их прав и утраты их отличительных особенностей, т.е. попадая на Запад, представители иных культур «вольны перенять его культурные принципы, *сохранить* собственные или же *усвоить* некоторые из распространенных на новой родине; но при этом, однако, они должны согласиться с нормами, существующими в либеральном обществе» [Бенхабиб 2003: LIII]. С одной стороны, принимающее общество должно показать свое расположение к новым гражданам и изменить, приспособить свои институты к включению их идентичностей и социокультурных практик, с другой стороны, сами мигранты должны показать приверженность новому обществу, изучить его историю, язык и традиции, а главное – предпринимать усилия для вхождения в это общество полноправным гражданином.

Однако первые результаты внедрения мультикультурной практики были далеко не однозначными. С одной стороны, страны, принявшие мультикультурную политику, добились немалых успехов в ходе демократизации собственных обществ. Идеал сосуществования различных культур способствовал изменению общественного климата и утверждению толерантного отношения к «Другому», осознанию равнозначности различных образов жизни, не умаляя при этом ничьих прав. С другой стороны, мультикультурализм обнаружил явные изъяны, ставящие под сомнение совместимость его основоположений с идеалами гражданского общества: в реальности он часто приводил не к гражданской консолидации, а к расслоению общества по этнокультурному признаку.

Дело в том, что каждая этническая группа «наделяется» своей культурой, а за «культурами» закрепляется определенный этнический носитель, т.е. культура сводится к этнической характеристике. А это, в свою очередь, приводит к фокусированию внимания на существующем разнообразии среди групп и их отличии друг от друга. В этом ракурсе иммигранты всегда воспринимаются как иная культурная группа, с иной культурой. Именно здесь и заключается одно из главных противоречий мультикультурализма: с одной стороны, мультикультурная модель выстраивает прототип такого общества, в котором индивидам предоставляется свобода выбора культурных образцов поведения; но, с другой стороны, само право быть Иным уже рождает оправдание неравенства, что немедленно приводит к серьезным конфликтам по причине существования культурных границ. Объективные и субъективные факторы побуждают иммигрантов к формированию сообществ по этническому признаку, что придает каждой группе четкую этническую маркировку. Идет закрепление культурного традиционализма, несовместимого с элементарной свободой выбора. Так появляется Неочужой, который конфликтует не только с населением принимающей страны, но и с Постчужим.

Мультикультурализм как модель культуры носит глубоко локальные черты, отмечающие исторические особенности развития культуры, ее породившей. В этом плане достаточно сложно проводить параллели между обществами и совсем уж невозможно найти универсальную модель, пригодную для всех. Однако сравнительный анализ «мультикультурного опыта» может помочь в выявлении способов решения проблемы адаптации Чужого в принимающих обществах. Интересен в этом плане опыт европейских государств.

Культурное пространство европейской цивилизации исторически сложилось как «однородное, имеющее дело с индивидами, воспринимаемыми независимо от их национальной и этноконфессиональной принадлежности» [Единая Европа 1997: 5]. Пестрый этнический состав европейских государств (в Великобритании – это англичане, ирландцы, уэльсцы, шотландцы; во Франции – французы, идентифицирующие себя с местом проживания (гасконцы, бретонцы, бургундцы и т.д.); в Швеции – шведы и саамы (лопари); в Германии – немцы, славяне, датчане) обусловил развитие Европы по образцу поликультурной модели, которая вела к реализации формулы «единства в многообразии» в силу того, что все эти народы были объединены общими историческими судьбами. Европейская идентичность – это идея общности европейской цивилизации, осознание совместной принадлежности к Европе.

Сегодня главные проблемы Европы связаны с растущей иммиграцией. Происходит столкновение культурных миров, разнящихся по своему цивилизационному уровню развития: Европа уже вступила в постнациональную стадию, в то время как страны Азии, Африки и Латинской Америки переживают период «этнизации», т.е. «рассматривают нацию с точки зрения этнического фактора» [Куропятник 2000: 167]. Поэтому особенностью европейской культурной модели становится ориентация на создание механизма адаптации иммигрантов, «игнорируя при этом этнические и расовые критерии» [Europe-a new immigration continent 1992: 148].

Мультикультурная модель была востребована практически во всех странах Европы, но проявила себя везде по-разному. Наиболее полно она была реализована в Великобритании, что объяснялось исторически сложившейся традицией толерантности сначала по отношению к «своим» народностям (англичанам, уэльсцам, шотландцам и ирландцам), а затем и к народам, проживающим в пределах Британской колониальной империи (Постчужой). Отличительная особенность Великобритании проявляется в ином, нежели в Германии и Франции, отношении к иммигрантам: коренное население не возражало против компактных поселений новых этнических меньшинств, что и способствовало их легитимации в глазах общественности. Этнические общины здесь юридически узаконены, институционализированы и имеют равные права [Pettigrew 2002: 79].

Но именно на этом пути и встретились основные трудности: многие приверженцы традиционных культур не проявляли желания интегрироваться в принимающее общество по причине неприятия западного (в данном случае британского) стиля жизни с его индивидуализмом и культом потребления. Кроме того, именно «общинная» модель интеграции более всего препятствует ассимиляции этнокультур, способствуя, напротив, их консервации и самоизоляции от окружающей культурной среды. Именно здесь наиболее отчетливо наблюдается так называемый «феномен третьего поколения»¹. И наконец, элиты этнических общин крайне заинтересованы в сохранении особого статуса этих общин.

Особенность французской модели заключается в четком делении на частную сферу, где каждый может проявлять свою этнокультурную принадлежность, и сферу публичную, где

¹так называемый «закон Хансена», сформулированный в 1930-х годах, говоривший, что «иммигранты третьего поколения вспоминают то, что пытались забыть иммигранты первого и второго поколений». Потомки иммигрантов возрождают этнические и религиозные традиции их «идеальной прародины» для самоутверждения в стране, где они фактически не равны в возможностях реализации своих прав.

«неукоснительно соблюдается принцип единства нации» [Collinson 1998: 162]. Задача государства – объединять людей в статусе граждан и обеспечивать им доступ к социальным благам независимо от их этнокультурной, конфессиональной принадлежности. Однако и Франция столкнулась с проблемой проявления на ее территории иных культур, не разделяющих западные ценности и не желающих интегрироваться во французское общество.

Совсем не популярна идея мультикультурализма в Германии, ни у коренных жителей, ни у иммигрантов: немцы не хотят, чтобы Чужие влияли на их образ жизни и культуру, иммигранты же, прежде всего переселенцы из мусульманских стран, не желают смешиваться с немцами. Толерантность заканчивается там, где начинается «покушение Чужого на культурные ценности принимающего общества» [McGhee 2008: 98].

Примером реализации «многокультурной модели» является Швеция, признающая возможность совместимости различных культур. Однако шведский мультикультурализм пронизан противоречиями. Например, любое отклонение от единомыслия воспринимается как «нечто неприятное, непродуктивное и отчасти даже аморальное» [McGhee 2008: 100]. Высокий уровень толерантности в Нидерландах привел к тому, что культурные различия среди коренного населения со временем потеряли всякую значимость, однако для мусульманских иммигрантов, недавних переселенцев в страну, такие различия не только важны, но и искусственно культивируются. Иными словами, Нидерланды столкнулись с проблемой актуальной для всех стран Западной Европы - мультикультурная модель, которая нацелена на интеграцию иммигрантов в общество, не смогла существенно изменить существующую тенденцию обособления коренного населения от иммигрантов. Италия, Испания, Швейцария на сегодняшний день отдают предпочтение модели «культурного плюрализма», стараясь не допустить изоляции переселенцев по этнокультурному признаку. Опыт Испании наглядно показывает, что полиэтничность и мультикультурализм - явления разные. Признание обществом полиэтничности не свидетельствует о принятии мультикультурной модели, предполагающей сохранение у иммигрантов собственных культурных ценностей.

Следует обратить внимание, что трудности возникают в основном с представителями мусульманских общин, которые, демонстрируя этнокультурную закрытость, не только не интегрируются в европейские общества, но и стараются навязать им свои культурные ценности. В этом плане мультикультурная модель, призывающая к признанию уникальности каждой культуры и в то же время постулируя их равенство, потерпела крах. Способность к взаимной адаптации определяется «этнической дистанцией», то есть величиной культурных различий между представителями разных этнических общностей. Слишком велика оказалась дистанция между представителями разных культур: большая часть мигрантов в мировоззренческом, конфессиональном, этнокультурном, лингвистическом отношении столь отлична от местного населения, что преодолеть такой барьер за короткий срок невозможно. Кроме того, такие группы характеризуются общностью экономической деятельности, что придает каждой группе четкую маркировку (например, члены группы осознаются остальным населением как торговцы). Язык принимающего общества иммигранты знают плохо, а их дети, как правило, вообще его не учат, предпочитая говорить на своем. Результатом становится «исключенность иммигрантов» [Pettigrew 2002: 81] из культурной жизни общества, что оборачивается в конечном итоге изоляцией в виде существования закрытых зон «No Go». В итоге мигранты несут для исконных жителей Европы разрушение их среды, а потому чаще воспринимаются последними как угроза своему миру.

В европейских обществах можно найти сегодня множество культурных традиций и религиозных практик, весьма далеких от «либерализма», «законности» и «справедливости» цивилизованного понимания. Либерализация представлений о гражданстве ослабила необходимость обязательной натурализации мигрантов, теперь нет нужды учить официальный язык принимающей страны, так как существует возможность раствориться в этнических анклавах больших городов. Получается, что именно «с легкой

руки» защитников мультикультурализма усиливается замкнутость культурных групп, порождая искусственные границы между ними. Нарушается целостность социума, прерывается диалог культур.

В результате слово «мультикультурализм» постепенно утрачивает свои созидательные идеи и превращается в лозунг откровенных сторонников этноцентристского сепаратизма. По этой причине ведущими политиками Европы было заявлено о провале мультикультурной стратегии.

Россия представляет собой многонациональное государство, где каждая национальная культура, в свою очередь, является единством многообразия, связанного с социокультурными различиями. Российское общество – это своеобразная «мозаика местностей» [Даргын-оол], объединенных единым Центром. Здесь каждый регион представляет «какую-то «иную» Россию» [Казакова 2009: 29]: Россию Центральную, Россию Сибири, Россию Дальнего Востока, Россию Нижнего Поволжья и т.д. со своеобразными социокультурными укладами жизни, обуславливающими альтернативные варианты развития: православно-славянский (евразийский), буддийский, тюркский, мусульманский и др., наглядно демонстрируя связь двух культурных моделей: Запада и Востока.

Необходимо отметить еще одну особенность: не являясь уникальным регионом мира в плане этнокультурного разнообразия, Россия все-таки отличается от всех приданием институциональной значимости этнокультурному фактору в обществе. Понятие «этнос» тождественно понятию «народ» и имеет культурный смысл.

С распадом советской системы в 90-х годах XX века «этничность» осталась по сути единственным эффективно функционировавшим институтом, поэтому проблемы культурного самоопределения, обострившиеся в эпоху глобализационных изменений, сводились к самоопределению этническому, что мешало формированию концепта гражданского общества.

Специфична в России и иммиграция: культурная дистанция между мигрантами и основным населением гораздо меньше, чем в странах Европы и тем более США в силу существования в советское время единой системы образования, которая обеспечивала общность систем знания, тем самым облегчая межэтническую коммуникацию. То есть Другие, по сути, этими Другими и не являются, хотя определенная культурная дистанция все-таки имеет место. Поэтому адаптационная способность мигрантов – населения бывших союзных республик – гораздо выше, чем способность к интеграции иммигрантов из Азии и Африки. Хотя существует парадокс, когда «культурно далеких» переселенцев, сумевших удачно «вписаться» в порядок принимающей страны, перестают замечать, а «культурно близких», не интегрировавшихся в жизнь сообщества, игнорируют и пытаются от них избавиться» [Малахов 2001: 158].

В сложившейся ситуации властные структуры заинтересовались мультикультурной моделью, которая усиливает внимание каждого этноса к собственной культуре, ослабляя тем самым «национализм гражданский». Однако в дискурсе западной мультикультурной модели носителями особых культур могут выступать и любые другие социальные группы и меньшинства (секс-меньшинства, жители поселков и т.д.). В России же культура чаще всего интерпретируется в этническом ключе как достояние одного этноса, т.е. каждая этническая группа наделяется своей культурой, а за «культурами» закрепляется этнический носитель, что усиливает и без того мощную этноцентристскую доминанту российского общественного сознания. В такой ситуации именно «культурный аргумент» как раз и становится одним из «провокаторов насилия» [Борисов 2003: 18], хотя большая часть противоречий, возникающих по линии «мигранты – местное население» связана с проблемами социального плана: борьбой за рабочие места, жилье, за определенные привилегии и т.д.

Для сближения культур наиболее важным является «уровень национального самосознания и способность к самореализации» [Фурман 1999: 8]. А поскольку толерантность, во многом, напрямую зависит от уровня образования и культуры личности, то

«мультикультурная ситуация чревата интолерантностью» [Романова 2010: 18]. Это наглядно проявляется в «принимающих» регионах России, где культурное противостояние идет по принципу «свой», как представитель традиционно проживающего на данной территории этноса, вне зависимости от его религиозной принадлежности, и «чужой», вновь прибывший. Кроме того, среди иммигрантов из Средней Азии и Северного Кавказа сильно выражен элемент автономности и дистанцированности не только от принимающего общества, но и по отношению друг к другу.

Серьезной трудностью для внедрения западного мультикультурного опыта можно считать и достаточно ограниченную социальную базу: носителями мультикультурных идей в России являются только этнокультурные меньшинства. Понятие «культурной группы» распространение не получило. Изначально идентификация индивида с этнической группой не была добровольной, а совершалась в результате административных решений, что фиксировалось записью в паспорте и оформлением прописки.

В России до сих пор даже статус «национального меньшинства» имеет устойчиво негативные коннотации. Может быть, поэтому проблематика культурного разнообразия российского общества почти не затрагивается в публичных дискуссиях и «остаётся маргинальной для академических дебатов» [Малахов 2008: 24].

Конечно, мультикультурная модель содержит и созидательный потенциал, и такие принципы, как «гражданское равноправие, стабилизация этнического состава населения страны, отказ государства от вмешательства в дела этнической идентификации, соблюдение правил толерантного поведения» [Дерябина 2005: 18], что вполне имеет право быть внедренным в российскую действительность. Пока можно констатировать тот факт, что после начала внедрения мультикультурной политики, Россия не стала более сплоченным обществом. Напротив, начали проявляться чуждые для российской действительности тенденции обособления отдельных общностей, сформированных по этническому принципу, а идентификация по признаку «мы-россияне» превратилась в аморфное и абстрактное понятие.

Различия между культурами лежат на поверхности, но гораздо важнее понять: *что именно* может безусловно всех объединять? Без ответа мирное сосуществование различных культур невозможно. Исследователи приходят к выводу, что мультикультурализм в западных странах вступил в новый период, ведущий к изменению всех его форм и представлений. Вся конструкция мультикультурного общества сегодня повсеместно дает сбой по причине восприятия мультикультурализма как «благоприятствующего социально-культурным прихотям одних и проводящего политику безальтернативной унификации для других» [Foster 2008: 37].

Мультикультурализм не может быть «панацеей, способной разрешить все социальные проблемы» [Тишков 2003: 186], существующие в обществе. Политический мультикультурализм даже мешает ассимиляции мигрантов в единую национальную культуру, так как направлен на «поощрение сохранения этнических групп со своими традициями внутри социума» [McKenzie 1997: 26]. В русле такого подхода даже схожие требования представителей отдельных групп основываются на совершенно различных групповых особенностях, а значит практика мультикультурализма «всегда предполагает торг между группами» [Бенхабиб 2003: XVIII] и этот торг не может быть завершен, так как даже не имеет внутренних закономерностей. Исходя из этого, возможны и тупиковые ситуации, вызываемые не столько уважением к позиции «другого», сколько страхом перед ним. А потому встает вопрос о выработке метода, способного решить проблему межкультурного, межнационального взаимодействия без силовых действий и экономических санкций. Это соответствует транскультурной модели, которая становится «эпистемой поликультурной модели, обращенной к коммуникации с Другим» [Мальковская 2008: 202].

Транскультурные элементы присущи глобализационной парадигме, являясь следствием усилившихся процессов культурного взаимодействия в мировом масштабе. Человек

должен быть свободен в выборе своей идентичности, независимо от природных и социальных условий. Даже этническая принадлежность не может обуславливать привязанности индивида к определенной форме идентичности. В основе развития обществ лежит процесс интеграции, понимаемый как «способность людей жить вместе, уважая достоинство каждого индивида, принципы общего блага, плюрализм и многообразие, на основе солидарности и отказа от насилия» [Белая книга 2008: 11]. Интеграционные стратегии должны охватывать все стороны общественной жизни, включая политические и культурные аспекты. Этому соответствует концепция межкультурного диалога, разработанная Советом Европы и другими международными организациями, претендующая на ведущую роль в новой культурной модели транскультурности, основанной на признании культурного многообразия и необходимости культурной интеграции.

Новый элемент предлагаемой модели – диалог на основе равного достоинства и общих ценностей, что требует синтеза жизнеспособных принципов предыдущих моделей: признание самого факта культурного многообразия у мультикультурной модели, возможность нахождения общности культур и синтеза культурных традиций у поликультурной модели, формирование глобального мира и глобальной культурных традиций у монокультурной модели.

Список литературы:

1. Белая книга по межкультурному диалогу - [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.rus-eu-culture.ru/publ/639>
2. Бенхабиб С. Притязания культуры: Равенство и разнообразие в глобальную эру. - М.: Логос, 2003.
3. Борисов А.А. Мультикультурализм // Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире / Под ред. Г.И.Зверевой. М., 2003.
4. Даргын-оол Ч.К. Культурный фактор регионализации современной России // Соционавтика: Интернет-журнал социальных исследований. - [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.socionavtika.narod.ru
5. Дерябина С.Р. Россия и опыт мультикультурализма: За и против // Этнопанорама.- 2005.- № 12.
6. Единая Европа: Идея и реальность: Концепции культурной идентичности // РАН ИНИОН. - М., 1997.
7. Казакова Г.М. Регион как субкультурный локус: Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. доктора культурологии. - М., 2009.
8. Куропятник А.И. Мультикультурализм: Проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. - СПб., 2000.
9. Малахов В.С. Демократический плюрализм и дискурс мультикультурализма // Скромное обаяние расизма и другие статьи. - М., 2001.
10. Малахов В.С. Почему в России нет мультикультурных исследований? // Вестник Института Кеннана в России. - М. - 2008. - Вып.13.
11. Мальковская И.А. Многоликий Янус открытого общества: Опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации. - М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
12. Низамова Л.Р. Идеология и политика мультикультурализма: Потенциал, особенности, значение для России // Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах: Матер. конф. / Под ред. А.Малашенко.- М.: Гендальф, 2005.
13. Романова А.П. Толерантное отношение к «Другому» в молодежной среде полиэтничного региона // Каспийский регион: Политика, экономика, культура. - 2010.- № 4 (25).
14. Тишков В.А. После многонациональности: Культурная мозаика и этническая политика в России // Знамя. - 2003. - № 3.

15. Фурман Д. Е. О будущем "постсоветского пространства": Внешняя политика и безопасность современной России // Хрестоматия: В 2 томах / Сост. Т.А. Шаклеина. - Т. 1. - Кн. II. Исследования. - М., 1999.
16. Collinson S. Public Policies Towards Immigrant Minorities in Western Europe // Ethnic Diversity and Public Policy: A Comparative Inquiry / Ed. by Young C. - London: Palgrave, 1998.
17. Europe - a new immigration continent: Policies and politics in comparative perspective / Ed. by Thranhardt P. - Hamburg: Lit, 1992.
18. Foster L. E.; Stockley D. Australian Multiculturalism // A Documentary History and Critique Multilingual Matters (Series). - 2008. – 37. - Clevedon – Philadelphia.
19. Joppke Ch. Multiculturalism and immigration: A comparison of the US, Germany and Britain. - Badia Fusolana, 1995.
20. McGhee D. The End of Multiculturalism? Terrorism, integration and human rights... Berkshire.: Open University Press, 2008.
21. McKenzie C. The Menace of Multiculturalism / Cameron McKenzie / Published by the Institute of Australian Culture, PO Box 64, Watsonia, Vic. 3087; Australian Ethnic Affairs Council publication, 1997.
22. Pettigrew Thomas F. Reactions toward the new minorities of Western Europe. - California.: University of California, 2002.
23. Wieviorka M. The making of Terrorism. - Chicago, 1988.